Планета на пороге эскалации

Евгений Прейгерман

Опубликовано на Caliber.az

Резюме

И ближневосточная, и украинская войны находятся в состоянии, когда эскалация становится практически неизбежной. Особенно опасными выглядят риски горизонтальной эскалации. Снизить их можно за счет лежащих на поверхности инструментов, однако для их успешного применения необходимы воля и смелость политиков.

Содержание

1 Война на Ближнем Востоке
2 Война в Украине
3 Что можно и нужно делать?

28 марта война на Ближнем Востоке перешагнула четырехнедельную отметку. Месяцем ранее, 24 февраля, другая масштабная война – российско-украинская – отметила четырехлетнюю годовщину. По состоянию на сегодня обе эти войны находятся в таком состоянии, которое делает эскалацию боевых действий практически неизбежной. По крайней мере, их вертикальную эскалацию, то есть повышение интенсивности и разрушительности. При этом вероятность горизонтальной эскалации обоих конфликтов, несущей риски распространения войны на новые территории и страны, также растет.

Война на Ближнем Востоке

Очевидно, что военная кампания США и Израиля против Ирана развивается не совсем по тому сценарию, на который изначально рассчитывали в Вашингтоне и Тель-Авиве. Какими бы ни были ее реальные политические и военные цели, быстро их добиться, обрушив на Тегеран шокирующую мощь объединенного американо-израильского кулака, не получилось.

> В итоге инициаторы кампании сталкиваются со все более сложными раскладами, требующими дополнительных сил и средств и потенциально затягивающими Израиль и США в более масштабную, продолжительную и непредсказуемую войну.

Несмотря на несопоставимо больший общий боевой потенциал США и Израиля, Иран весьма умело использует стратегию «мозаики» в обороне и различные асимметричные возможности ведения войны. Это хорошо видно, например, по темпам и ценовым характеристикам ракетного противостояния. Чтобы перехватить одну относительно недорогую иранскую баллистическую ракету, американцам приходится использовать по три-четыре очень дорогие ракеты-перехватчики. А в некоторых случаях – и по семь-восемь.

При этом объектов для защиты от иранских ракетных атак у военных США в регионе множество: от собственных войск и военных объектов до критической инфраструктуры союзников в монархиях Персидского залива. А сам Иран сохраняет возможности ежедневно наносить достаточно массированные удары. Американская разведка с уверенностью подтверждает уничтожение лишь около трети иранских ракетных запасов. В этом контексте изначальный диспаритет военных и экономических потенциалов сторон конфликта уже не выглядит так однозначно. Неудивительно, что тема критического истощения запасов ракет и противоракет становится топовой в американских политикоформирующих кругах и СМИ.

К тому же, ожидали этого американцы или нет, Тегеран без колебаний стал использовать свой основной геоэкономический аргумент – возможность ограничить движение через Ормузский пролив. Притом делать это он может даже в условиях, когда потерял весь (или почти весь) собственный флот. В результате большая часть планеты моментально почувствовала последствия новой ближневосточной войны на своих карманах. В том числе через резкий рост цен на энергоносители их ощутило само американское общество, несмотря на запасы соответствующих ресурсов на территории США. А американские власти дополнительно чувствуют ормузский эффект через растущий политический запрос всего мира на то, чтобы предотвратить создаваемую собственными руками глобальную рецессию.

Имеющегося сейчас у США флота, который можно задействовать на Ближнем Востоке, недостаточно, чтобы быстро и относительно безболезненно решить проблему Ормузского пролива. Собрать международную коалицию для

обеспечения свободного прохода судов через пролив также пока не удалось. Поэтому нужно искать альтернативные варианты.

Очевидно, что идеальной альтернативой для администрации Дональда Трампа было бы завершить активную фазу боевых действий как можно скорее, объявить о достигнутых целях и закрыть тему политическими договоренностями с Ираном. Отсюда и все более заметная дипломатическая активность вокруг войны, о которой можно судить по многочисленным заявлениям самого американского президента, а также, например, по информации от министра иностранных дел Пакистана.

26 марта он сообщил, что переговорный процесс Ирана и США идет в непрямом формате, где пакистанские представители обеспечивают передачу месседжей. По его словам, эти дипломатические усилия также поддерживают Турция и Египет.

> Но пока сложно понять, насколько в этой коммуникации стороны готовы идти на содержательные взаимные компромиссы, необходимые для продвижения диалога вперед.

Скорее, еще не готовы. Американцы, по их собственному признанию, передали иранцам состоящий из 15 пунктов план по завершению конфликта. Но Тегеран этот план отверг как нереалистично максималистский и выдвинул в ответ свой максималистский план, который, очевидно, неприемлем для Вашингтона.

Большинство переговоров так и начинаются: противоборствующие стороны заявляют свои максималистские запросные позиции. Однако затем необходимо обоюдное движение в направлении какой-то модели компромисса, которое обычно случается в результате либо политической воли, либо еще большей эскалации военного противостояния. В имеющихся сегодня ближневосточных раскладах все указывает именно на то, что впереди дальнейшая эскалация. Притом возможности эскалировать имеют обе стороны.

Наиболее вероятный способ повысить ставки для США – это увеличить разрушительность и долгосрочную чувствительность наносимых по Ирану авиаударов. Например, по электрогенерирующей и распределяющей инфраструктуре. И также – начать наземное вторжение. О масштабной наземной операции пока речь не идет. И вряд ли ее стоит ожидать позже, так как она потребовала бы чрезвычайных организационных, человеческих, материальных и – возможно, самое главное – политических ресурсов. А вот высадка ограниченного десантного контингента с каждым новым днем кажется все более реалистичной.

Иран, со своей стороны, также имеет опции для дальнейшей военной эскалации. Прежде всего, у него множество потенциальных целей в странах залива, которые можно подвергнуть эскалационным ударам. Более того, Тегеран дает понять, что не исключает ракетные атаки по ядерным объектам Израиля. Около недели назад иранские ракеты уже прилетали по городу Димона на юге страны, где расположено одно из хранилищ ядерных боеголовок. По оценкам специалистов, Иран располагает техническими возможностями поразить эти объекты, и дело только за соответствующим политическим решением. Вероятность, что оно в итоге будет принято, с каждым новым днем войны повышается.

Война в Украине

Российско-украинская война также оказалась на пороге очередной эскалации. Предпринимавшиеся последний год активные дипломатические усилия Вашингтона усадить Москву и Киев за переговорный стол сейчас по понятным причинам приостановлены.

> Американские посреднические усилия и так не давали искомого результата, так как обсуждавшаяся модель компромисса пока не вывела стороны конфликта на траекторию, которая позволяла бы разрешить приведшие к его началу фундаментальные противоречия.

А прямо сейчас у США нет необходимых для продолжения эффективной посреднической работы кадровых и временных ресурсов. Да и ход ближневосточной войны прямо или косвенно меняет многие геополитические вводные, влияющие на расчеты России, Украины и других вовлеченных акторов.

При таких раскладах и здесь эскалация выглядит наиболее вероятным дальнейшим сценарием. Некоторые ее элементы уже видны по нарастающим волнам взаимных ракетных и дроновых ударов. Притом, в отличие от ситуации на Ближнем Востоке, перспективы географического расширения боевых действий кажутся особенно опасными.

Только за последние дни сразу несколько дронов (как выяснилось, украинских) упали на территории Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии. Кроме того, растет напряженность и по периметру конфликта. Повышаются, к примеру, риски инцидентов на море, где европейские государства ведут охоту на так называемый «теневой флот» России. Склонность к эскалационной динамике сохраняют и тенденции милитаризации восточного фланга НАТО.

То, что власти стран Балтии и Финляндии так быстро признали, что нарушившие их воздушное пространство в последние дни БПЛА были именно украинскими, говорит о их естественном желании избежать дальнейшей эскалации на территории своих стран. Однако военно-политическая напряженность между Россией и европейскими странами НАТО уже достигла таких зашкаливающих пределов, что одного лишь желания остаться в стороне может быть недостаточно. На имеющемся фоне одна «спичка» может, как не раз случалось в истории, разжечь огромный региональный пожар.

Что можно и нужно делать?

О последствиях возможной эскалации обеих войн сегодня можно только догадываться. Просчитать ее с какой-то обоснованной точностью не могут ни непосредственные стороны конфликтов, ни те, кто затем будет испытывать на себе последствия неконтролируемого разрастания эскалации. В этом и заключается главная опасность, которая сейчас особо остро стоит перед всем мировым сообществом. Особенно с учетом все более тесного переплетения логик и движущих сил украинской и ближневосточной войн.

Дело не в том, что мир оказывается на пороге возможного скатывания к Третьей мировой войне, о чем сейчас рассуждают многие аналитики и комментаторы.

Как справедливо отмечает украинский политолог Николай Капитоненко, пока нет оснований называть переплетение логик и динамик двух основных полей сражения наших дней Третьей мировой войной. По крайней мере, если подходить к термину «мировая война» со всей исторической строгостью. Но зато налицо основания называть и украинскую, и иранскую войны системными. А в совокупном переплетении – тем более. От их исхода во многом будет зависеть будущее мирового порядка.

Но выяснение будущих балансов мировой системы, которое произойдет по факту этих (и, возможно, других) войн, это вопрос времени. Вероятно, немалого времени. И повлиять на то, какие именно очертания приобретет следующая система, какими-то односложными действиями сейчас даже сильнейшие державы планеты не могут. Все определится в результате многочисленных сложных и пока непрогнозируемых событий и процессов. Это покажет только время.

> А вот на перспективы эскалации иранской и украинской войн заинтересованные государства влиять могут. Особенно на возможности их горизонтальной эскалации на территории новых стран.

Набор необходимых действий, чтобы ограничить эскалационные риски, понятен и лежит на поверхности: политический и военный диалог, меры доверия и безопасности, повышенная военная транспарентность. Этот инструментарий хорошо проработан, институционализирован и прописан в давно действующих двусторонних и многосторонних соглашениях. Но проблема в политической воле к его применению. Даже в политической смелости, которая в имеющихся сегодня условиях на вес золота.

Евгений Прейгерман
Директор, Совет по международным отношениям «Минский диалог»